

S T U D I A P H I L O L O G I C A

Содержание

Предисловие	7
Глава I. Первые грамматики русского языка	11
1. Грамматические произведения иностранных авторов в конце XVII — первой трети XVIII века. Их цели и особенности	13
1.1. К предыстории «Русской грамматики» Генриха Вильгельма Лудольфа, Оксфорд, 1696 — H. W. Ludolf: <i>Grammatica Russica</i> . Oxonii, 1696	31
1.2. Дополнительный источник сведений о грамматических воззрениях Иоганна Эрнста Глюка как автора «Грамматики русского языка» (1704) — J. E. Glück: <i>Grammatik der russischen Sprache</i> (1704)	42
1.3. В поисках «духа русского языка»: «Русская грамматика и методика» Жана Соие, Париж, 1724 — J. Sohier: <i>Grammaire et Methode Russes et Françaises</i> , 1724	55
1.4. Первый печатный учебник русского языка как иностранного в России: «Грамматика Французская и Русская», Санкт-Петербург, 1730 — <i>Grammaire Francoise et Rvsse en Langue moderne / Грамматика Французская и Руская нынѣшняго языка</i> . Въ Санктъ Петербургѣ 1730	70
1.5. «Начальные основы русского языка» Иоахима Кристофа Шталя — J. Chr. Stahl: <i>Rudimenta Linguae Russicae</i> — и «Краткое руководство по русской грамматике в таблицах» — документ из собрания «Extranea» Стокгольмского государственного архива (Ext.157: 6, 38)	89
2. Концепции русского литературного языка в грамматиках иностранных авторов в конце XVII — первой трети XVIII века	126
2.1. Между русским и церковнославянским: культурно-языковая ситуация в России в конце XVII — первой трети XVIII века в представлении иностранных авторов русских грамматик	128
2.2. Альтернативные модели описания и кодификации языкового материала в русских грамматиках иностранных авторов: западноевропейские традиции и образцы, индивидуальные решения	144

2.3. Описание русского языкового материала по матрице латинской грамматики: к проблеме формирования грамматической терминологии	171
Глава II. Первые переводы на русский язык. Переводческая деятельность иностранных ученых в первой трети XVIII века	197
1. Размышления Иоганна Вернера Пауса как переводчика о церковнославянском и русском языках	200
1.1. Перевод сочинения И. Г. Сейбольда «Selectiora quaedam colloquia latino-germanica» Иоганном Вернером Паусом	201
1.2. Наблюдения о переводе «Малого катехизиса» М. Лютера Иоганном Вернером Паусом	237
2. Русские переводы «Малого катехизиса» А. Г. Франке	254
2.1. Немецкий оригинал «Малого катехизиса» А. Г. Франке и его русские переводы: исторические свидетельства, имеющиеся и отсутствующие экземпляры	257
2.2. Преимственность, авторство, время издания и язык русских переводов «Малого катехизиса» А. Г. Франке по данным текстологического и лингвистического анализа	265
Глава III. Западноевропейская культурно-историческая перспектива формирования русского литературного языка в конце XVII — первой трети XVIII века	273
1. «Русская миссия» пиетистов из Галле — от реформы Реформации к реформе языка. Связь иностранных авторов первых русских грамматик с Галле	274
1.1. Харизма пиетистского движения и университета в Галле как центра интереса Западной Европы к России и русскому языку	275
1.2. Распространение «истинного» христианства на «простом» языке, достойном для общения с Богом и доступном простому верующему	281
2. Культурно-исторический контекст сербской рецепции перевода Симеона Тодорского «Чтири книги w истинномъ Христїанствѣ», Галле, 1735	288
Библиография	301
Архивные материалы	322
Список сокращений	325
Сведения об авторах	326

Предисловие

В основу настоящего исследования заложена идея научного проекта, задуманного как тематический блок на Съезде славистов и осуществленного в процессе плодотворного сотрудничества учеными разных стран.

Тематический блок 1.9: «Альтернативные пути формирования русского литературного языка в доломоносовский период: деятельность иностранных ученых и переводчиков» (организатор: Светлана Менгель) — был успешно представлен на XVI Съезде славистов в Белграде 22 августа 2018 г. Этим деятельность научного проекта, однако, не закончилась, проект продолжал развиваться. Его результаты отражает предлагаемая читателю коллективная монография, которая ставит своей целью дать новое видение проблематики первых грамматик русского языка, подавляющее большинство которых было создано в конце XVII — первой трети XVIII в. иностранными авторами (ср.: Успенский 1997: 524).

В исследовании впервые делается попытка рассмотреть первые русские грамматики, возникшие благодаря инициативе иностранных ученых, не только как плод «лингвистической любознательности» и/или подспорье для «устроителей нового литературного языка» в России (в качестве «второго источника нормализаторских инноваций академической филологии», см.: Живов 1996: 195), но в контексте западноевропейского культурно-просветительского и грамматологического дискурса конца XVII — первой трети XVIII в., в рамках которого русские грамматики создавались отнюдь не с целью «описания живой разговорной речи» в России, как традиционно принято считать (см.: Ларин (ред.) 1937; Успенский 1997 и др.), но с первостепенной целью кодификации русского языка на основе одного из его вариантов (узусов или одной из форм его существования) для возможности издания на этом языке «хороших книг» (Ludolf 1696; Ларин (ред.) 1937: 115; ср.: Успенский 1997: 523; Успенский (ред.) 1987б).

В этом плане пульсирующим сердцем исследования следует считать раздел I.2.2, в котором представлены центральные результаты нашего труда: показаны различные модели кодификации русского языка, отраженные в первых русских грамматиках иностранных авторов, — *альтернативные пути формирования русского*

литературного языка в конце XVII — первой трети XVIII в. При этом альтернативы выявляются не только между кодификаторскими концепциями иностранцев и их представлениями об узусе русского языка, достойного лечь в основу кодификации, но и между предлагаемыми в первых грамматиках русского языка моделями кодификации в целом и тем путем, по которому пошло формирование русского литературного языка нового типа в России, впервые, как считается, кодифицированного в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова (1755/1757). Наряду с различными всех альтернативных путей просматриваются, однако, и точки их пересечения.

Глава I посвящена как, в целом, анализу целей первых русских грамматик (раздел I.1), причин формирования и применения различных кодификаторских концепций, обусловленных видением авторами грамматик культурно-языковой ситуации в России (раздел I.2.1), их принадлежностью к западноевропейским просветительским традициям и западноевропейскому грамматологическому дискурсу (раздел I.2.3), так и анализу отдельных грамматических произведений, уже известных научной общественности, но предстающих под новым углом зрения, позволяющим по-новому и более рельефно увидеть их значение в западноевропейском научно-историческом контексте времени их создания (разделы I.1.1; I.1.3), уточнить грамматические намерения их авторов, предложить для них новую атрибуцию и датировку (разделы I.1.2; I.1.4; I.1.5).

Объем и сложность представленной в Главе I проблематики дает ей полное право занять по объему большую часть нашего исследования. Для сохранения гомогенности изложения вышеназванных общих вопросов по всей главе дается единая нумерация цитируемых примеров, представленная в квадратных скобках []. Нумерация примеров при описании отдельных грамматических произведений приводится в фигурных скобках { } и индивидуальна для каждого из соответствующих разделов.

Формирование литературного языка не исчерпывается, однако, его кодификацией в грамматике. Для его становления необходимо создание текстов на этом языке и их рецепция. Авторы рассмотренных нами первых русских грамматик оставили после себя образцы текстовой продукции; многие из них занимались в солидном масштабе переводами на русский язык. Но, к сожалению, объем текстовой продукции на русском языке различных кодификаторских концепций, сохранившейся до наших дней, далеко не одинаково достаточен для того, чтобы сделать исчерпывающие выводы.

В наибольшем объеме сохранились переводы на русский язык И. В. Пауса, выполненные им в России. Их анализ в соответствии с оригинальной концепцией кодификации «славено-русского» языка, представленной в его грамматике, дается *per exemplum* в первом разделе Главы II (II.1.1; II.1.2). Во втором разделе этой главы представлен анализ двух из числа первых переводов на русский язык, созданных в Западной Европе, напечатанных в Германии и ориентированных на модель кодификации русского языка с опорой на один из его диалектов, представленной в неоконченной

грамматике И. Э. Глюка (II.2.1; II.2.2). Один из этих двух переводов реципировался, по всей видимости, в России.

Глава III предлагаемого читателю исследования выступает «вместо заключения» и призвана дать общий взгляд на формирование русского литературного языка с западноевропейской культурно-исторической перспективы в конце XVII — первой трети XVIII в. (III.1; III.1.1). Этот взгляд и эта перспектива предполагали также еще один альтернативный путь формирования русского литературного языка, не связанный напрямую с грамматиками иностранных авторов, но с текстовой продукцией на «русском» языке, созданной в Германии и предназначенной для рецепции — и реципированной — в России (III.1.2) и за ее пределами (III.2).

* * *

В заключение Предисловия к нашему исследованию я от всей души хочу поблагодарить моих соавторов — старшего научного сотрудника Французского государственного центра научных исследований при Сорбоннском университете в Париже доктора Сильви Аршембо (Франция), профессора университета в Павии Марию Кристину Брагоне (Италия), доцента Санкт-Петербургского государственного университета доктора Сергея Власова (Россия), научного сотрудника Института литературы и искусства в Белграде и сотрудника университета в Кёльне доктора Драгану Грбич (Сербия/Германия), профессора Санкт-Петербургского государственного университета Леонида Московкина (Россия), научного сотрудника университета в Галле-Виттенберге доктора Татьяну Челбаеву (Германия) — за их блестящие научные идеи, интересное, продуктивное и плодотворное сотрудничество, за их поддержку и неустанный интерес к нашему проекту.

Особую благодарность приношу студентке Галле-Виттенбергского университета им. М. Лютера Надежде Райхлинг за ее очень внимательную, точную и ответственную работу по оформлению библиографии и подготовке манускрипта для представления в издательство.

Благодарю «Издательский Дом ЯСК» (Москва, Россия) за интерес к нашей работе, профессиональную подготовку монографии к печати и ее публикацию. Мою искреннюю благодарность выражаю Фонду Александра фон Гумбольдта (Германия), при финансовой поддержке которого публикация монографии смогла состояться.

Светлана Менгель
Берлин — Галле-Виттенберг, май 2020 г.

Глава I. Первые грамматики русского языка

В филологической науке принято считать, что современный русский литературный язык (т. е. язык-стандарт, англ. *standard language*) имеет в своей основе систему кодификации грамматических норм, впервые предложенную в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова (1755/1757) и исходящую из своеобразного синтеза русского и церковнославянского начал. Грамматике Ломоносова предшествовал, однако, целый ряд других грамматических произведений, которые, как и «Российская грамматика» Ломоносова, представляли собой попытки преодоления культурно-языковой ситуации, сложившейся в России к концу XVII — началу XVIII в. (ср.: Успенский 1987а; 2002; Живов 1996; 2017 и др.), и могли влиять на формирование так называемого русского литературного языка нового типа, впервые кодифицированного, как считается, Ломоносовым.

На необходимость выявления и важность изучения доломоносовских грамматик впервые указал Б. О. Унбегаун в своем докладе на IV Международном конгрессе славистов в Москве, где представил свои изыскания в этой области (ср.: Unbegaun 1958). Немногим более тридцати лет спустя — в 1989 г. — на конференции в шведском Фагерудде и затем в своем подробном обзорном, одноименном с докладом Унбегауна исследовании «Доломоносовские грамматики русского языка» Б. А. Успенский (Успенский 1992; 1997) предложил полный список найденных к тому времени ранних русских грамматик, подвел итоги их анализа и наметил перспективы дальнейшего изучения. Прделанную в этом направлении работу и научные заслуги Успенского, впервые открывшего, описавшего и издавшего целый ряд ранних грамматических произведений, среди них: рукописная «Грамматика и методика русского и французского языков» Жана Сойе (Успенский (ред.) 1987б), неоконченная рукописная «Грамматика русского языка» Иоганна Эрнста Глюка (Keipert et al. (Hrsg.) 1994), рукописная грамматика Ивана Афанасьева (Успенский 1989), невозможно переоценить. Позволим себе привести здесь полностью «Хронологический перечень доломоносовских грамматик русского языка», представленный в обзорном труде Б. А. Успенского (1997: 524; см. таблицу 1):

Таблица 1. Хронологический перечень доломоновских грамматик русского языка
(цит. по: Успенский 1997: 524)

Автор	Год	Метаязык	Публикация
Mark Ridley	1594–1599	английский	Стоун, в печати
Tönnis Fenne	1607	латинский	Гаммерих и Якобсон, I–II
Heirich Wilhelm Ludolf	1696	латинский	Лудольф 1696 Ларин (ред.) 1937
Johann Ernst Glück	1703–1705	немецкий	Глюк 1994
Jean Sohier	1724	французский	Сойе, I–II
Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов	1724	церковнославянский	
Иван Афанасьев	1725	русский	
Аноним (Псевдо-Горлицкий)	1730	французский	Грамматика французская и русская... 1730
Martin Schwanwitz	1731	немецкий	
Василий Евдокимович Адодуров	1731	немецкий	Вейсманов лексикон 1731 Унбегаун 1969
Василий Евдокимович Адодуров	1738–1740	русский	Успенский 1975 Грэннинг 1750
Joachim Christoph Stahl	1737–1745	немецкий	Дюрович, Шёберг 1987
Joachim Christoph Stahl	1745	латинский	

I.1. Грамматические произведения иностранных авторов в конце XVII — первой трети XVIII века. Их цели и особенности

Введение

Как показывает вышеприведенный «Хронологический перечень» Успенского (см. таблицу 1), первые грамматики русского языка были написаны в подавляющем большинстве своем иностранцами: из 13 перечисленных Успенским первых русских грамматик (ср. также: Успенский 1997: 507) авторами только трех являются русские.

При этом наряду с двумя сохранившимися ранними рукописными грамматическими фрагментами (см. таблицу 1, ср.: Там же: 492–500) самой первой¹ — полной и полноценной — грамматикой русского языка следует считать написанную по-латински «Русскую грамматику» Генриха Вильгельма Лудольфа (*Heinrich Wilhelm Ludolf*, 1655–1712), немца по происхождению, которая была издана в печати в Оксфорде в 1696 г. с помощью специально изготовленных для этой цели кириллических литер (*H. W. Ludolf. «Grammatica Russica»*. Oxonii, 1696, см. подробнее ниже и в I.1.1, см. иллюстрацию 1а). Хотя Лудольф посвятил свою грамматику дядьке Петра I, князю Борису Алексеевичу Голицыну («domino Borisio Alexeidi Gallitzen», Ludolf 1696: a 2), а ее «подносное» издание, которое включает только диалоги и трактат об истории и природных богатствах России («Appendicis loco subjungemus pauca ad historiam naturalem Russiae spectantia», Ibid.: 91–97) и открывается специальным вводным листом «Война к миру дорога», содержащим ряд военных терминов, непосредственно самому царю — оба экземпляра были присланы в Россию сразу после издания грамматики в Оксфорде в 1696 г. (и до сих пор хранятся в Библиотеке Академии наук в Санкт-Петербурге), — она, как кажется, была не только

¹ В известном каталоге Мартина Липения (*Martini Lipenii. «Bibliotheca realis philosophica omnium materialium etc.»* Franckfurt/M., 1682: 964) упоминается без имени автора и выходных данных некая якобы печатная грамматика под заглавием «Elementa linguae russicae» (ср.: Ларин (ред.) 1937: 7), которая до сих пор нигде не обнаружена (см. подробнее в I.1.1).

прочно забыта в России уже в первой трети XVIII в., где была «заслонена» «Российской грамматикой» Ломоносова (1755/1757), признанной первой грамматикой русского языка (см. выше), но и не оценена по достоинству российскими и нероссийскими языковедами впоследствии (ср.: Каченовский 1807; Давыдов 1855; Балицкий 1876; Ягич 1910; Koulmann 1932). Впервые на научное значение «Русской грамматики» Лудольфа, ее инновативность и оригинальность указал Б. А. Ларин, первый исследователь этой грамматики, переведший ее на русский язык и впервые ее переиздавший в 1937 г. вместе с изданием двух других рукописных лингвистических описаний иностранных авторов XVI–XVII вв. (Ларин (ред.) 1937; 2002). При этом Ларин совершенно справедливо подчеркнул, что изучение подобного рода лингвистических произведений, написанных иностранцами, имеет важное значение для истории русского языка и представляет особый интерес в связи с отражением в них живого русского разговорного языка этого времени (Ларин (ред.) 1937: 21, 24, 32 и далее).

Мнение о том, что «иностранцы, в отличие от русских, были практически заинтересованы в описании живой разговорной речи, а не книжных языковых норм», остается неизменным и в вышеназванном обзорном труде Успенского (1997: 437). Хотя, анализируя грамматику Жана Сойе (*Jean Sohier. «Grammaire et Methode Russes et Françaises»*. Paris, 1724, см. подробнее I.1.3), он вынужден признать, что ее автор ставит своей целью кодификацию русского литературного языка, который «оказывается противопоставленным у Сойе как церковнославянскому, так и русскому разговорному языку» (Там же: 463, 460–472). Амбиции иностранцев по созданию кодифицирующих грамматик русского литературного языка в целом Успенским также не отрицаются. В этой связи он цитирует письмо Селия (*Burchard Adam Sellius*, 1695–1745), который по совету настоятеля петербургского Александро-Невского монастыря архимандрита и впоследствии белгородского архиерея Петра Смелича, серба по происхождению (о рецепции «русских» текстов, созданных вне России, в Сербии см. подробнее в III.2), «много упражнялся в общеупотребительном русском языке» («*der gemeinen rußischen Sprache*»), к Г. А. Франке (*Gotthilf August Francke*, 1696–1769) из Москвы в Галле от 1737 г.; в письме Селий заявляет о своем намерении создать такую грамматику. По мнению Успенского, в контексте письма Селий «имеет в виду русский литературный язык в собственном смысле», т. е. «новый литературный язык, в отличие от старого», который «ориентирован не на церковнославянские, а на русские тексты» (Там же: 512–515, здесь 515). И наконец, в последних трех строках своего исследования Б. А. Успенский высказывает соображение, что в ранних «грамматических описаниях может осуществляться кодификация русского языка и это делает соответствующие описания ценным источником для истории русского литературного языка» (Там же: 523).

Само собой разумеется, что сделанный ученым вывод распространяется и на грамматические описания иностранных авторов, которые, как мы видели,

составляют подавляющее большинство доломоновских грамматик русского языка. Более того, грамматические труды иностранцев и представленные в них альтернативные концепции кодификации русского языка, опирающиеся на западноевропейские филологические и прагматические традиции, занимают особое место в процессе поисков «русского литературного языка нового типа» в конце XVII — первой половине XVIII в. и предполагают различные пути его формирования. Эти пути определяются не только грамматиками, но и созданием соответствующей текстовой продукции, а также наличием среды для ее рецепции и распространения. С учетом этих трех факторов выстроено предлагаемое читателю исследование, посвященное малоизученной проблематике вклада иностранных ученых и переводчиков в формирование нового русского литературного языка в первой трети XVIII в. Проблематика создания текстов и их рецепции рассматривается в главах II и III.

При анализе первых грамматик русского языка, написанных иностранцами, мы ставим своей целью прежде всего изучение отраженных в них моделей кодификации. Последние, на наш взгляд, определяются двумя взаимосвязанными факторами: *во-первых*, тем, какой языковой идиом или вариант или какую из форм существования языка (или языков) авторы различных грамматик предпочитали считать основополагающим «общеупотребительным русским языком» («gemeine russische Schreib-Arth», цитата из письма Селия к Г. А. Франке, см. выше: Успенский 1997: 515, ср.: Winter 1953: 412–415), и, *во-вторых*, какие теоретические концепции для его описания (или использования) они предлагали в зависимости от понимания и оценки ими культурно-языковой ситуации и языковой политики в России в первой трети XVIII в., опираясь на западноевропейские грамматические традиции (см. подробнее в I.2). Предназначенные, в основном, но отнюдь не исключительно, для обучения русскому языку как иностранному (см. подробнее ниже), эти грамматики — особенно те, что вышли в печати, — могли выполнять важную кодифицирующую функцию и влиять таким образом на формирование нового русского литературного языка.

Согласно цели нашего исследования из доломоновских грамматик русского языка, представленных в «Хронологическом перечне» Успенского (см. выше таблицу 1) и в нем не отраженных², мы не рассматриваем те, что дошли до нас в качестве грамматических фрагментов, а также написанные русскими авторами или созданные по концепции Петербургской Академии наук — так называемые «грамматики

² Сюда следует отнести рукописную «Grammatica Russica Hamburgensis» (Schmücker-Breloer (Hrsg.) 2001) и «Exemplar characteris Moscovitico-Ruthenici duplicis bibliici et usualis» Георгия Давида, напечатанную в 1690 г. в Нысе и хранящуюся в Австрийской национальной библиотеке в Вене (ср.: Флоровский 1961, см. подробнее в I.1.1), — оба произведения представляют собой грамматические фрагменты.

Академической гимназии» (Đurovič 1992). В центре нашего внимания стоят следующие грамматические произведения:

- [А] **H. W. Ludolf. *Grammatica Russica quæ continet non tantum præcipua fundamenta russicæ linguæ, Verum etiam manuductionem quandam ad grammaticam Slavonicam. Additi sunt in forma dialogorum modi loquendi communiore, Germanice æque ac Latine explicati, in gratiam eorum qui linguam Latinam ignorant. Una cum brevi vocabulario rerum naturalium.* Oxonii, 1696.**
(Генрих Вильгельм Лудольф. Русская грамматика. Оксфорд, 1696. Переиздание Б. А. Ларина. Л., 1937; переизд. СПб., 2002. *Heinriche Wilhelmi Ludolfi: Grammatica Russica* / Ed. by B. O. Unbegaun. Oxford, 1959.)
- [Б] **J. E. Glück. *Grammatik der russischen Sprache (1704).***
(*Johann Ernst Glück. Grammatik der russischen Sprache (1704)* / Herausgegeben und mit einer Einleitung versehen von H. Keipert, B. A. Uspenskij und V. M. Živov. Köln; Weimar; Wien, 1994.)
- [В] **J. Sohier. *Grammaire et Methode Russes et Françaises. Composées et écrites à la main par Jean Sohier Interprete en Langues Esclavonne, Russe et Polonnoise dans la Bibliothque du Roy. divisées en deux parties. l'année 1724.***
(*Jean Sohier, Grammaire et Methode Russes et Françaises, 1724.* Факсимильное издание под ред. и с предис. Б. А. Успенского. Т. I–II. München, 1987.)
- [Г] **J. W. Paus. *Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Rußischen Sprache. Zum Nutzen sonderl(ich) der Teutschen Nation aufgesetzt (1705–1729).***
(*Михальчи Д. Е. Славяно-русская грамматика Иоанна Вернера Паузе: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1969а; Михальчи Д. Е. Славяно-русская грамматика Иоанна Вернера Паузе. Дис. ... докт. филол. наук. Ч. I–II. Л., 1969б (на правах рукописи); Huterer A. Die Wortbildungslehre in der Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Rußischen Sprache (1705–1729) von Johann Werner Paus. München, 2001; Johann Werner Paus. Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Rußischen Sprache. Transkript des Autographs der Akademiebibliothek St. Petersburg, Handschriftenabteilung, Signatur Q 192/I. Bearbeitet von Andrea Huterer, Schlußredaktion von Helmut Keipert mit computertechnischer Unterstützung durch Daniel Bunčić. Als Manuskript ausgedruckt für Deutsche Forschungsgemeinschaft (Bonn), Biblioteka Akademii nauk, Otdel rukopisej (S.-Peterburg) und Archiv der Franckeschen Stiftungen (Halle/S.). Bonn, 2016.)*
- [Д] ***Краткое руководство по русской грамматике в таблицах (1720/1722) — печатный листок из собрания «Extranea» Стокгольмского государственного архива под шифром: Ext. 157: 6, 38.***
(*Đurovič L., Sjöberg A. Древнейший источник парадигматики современного русского языка // Russian Linguistics. 1987. 11/2–3. P. 261–264.*)